

Олег Васильевич Кильдюшов –
философ, переводчик, публицист,
научный консультант Открытого семинара
по философии спорта (МГУ имени
М.В. Ломоносова)

Спорт как политика

От «Быстрее, выше, сильнее!»
к «Пафоснее, дороже, коррумпированнее!»

Спорт теснейшим образом связан с политикой и общественными отношениями власти и господства в целом, поскольку сам является одной из важнейших культурных практик в эпоху Модерна. В качестве базовой современной телесной практики он служит своеобразным индикатором происходящих структурных изменений общества, затрагивающих телесные образы, а вместе с ними – и представления социума о человеке. При этом спортивные практики современности сами являются ярким примером социокультурных механизмов формирования личности определенного типа – адаптированной под доминирующие образцы. В этом смысле до сих пор продуктивной является постановка вопроса в духе крупного социального теоретика Норберта Элиаса: как связано между собой развитие структур и организационных форм

таких видов досуга, как спорт, с общественно-политическими тенденциями, которые доминируют в тот или иной момент цивилизационного процесса?

Пытаясь ответить на этот вопрос, рассмотрим вначале сам культурно-исторический феномен спорта, ставшего в современном мире неотъемлемой частью нашей повседневности. Далее затронем ряд важнейших политических импликаций, связанных с формами организации и практиками «потребления» как массового спорта, так и спорта высших достижений в контексте большой политики. А затем коснемся спортивной политики в нашей стране – включая такие проблемные сферы, как государственное управление российским спортом и организация спортивных мегасобытий типа Олимпийских игр в Сочи и Чемпионата мира по футболу 2018 года.

Спорт как социокультурный феномен современности

Несмотря на свою несомненную значимость для современного общества, спорт до сих пор относительно плохо описан с точки зрения социальной и политической теории. Более того, его часто рассматривают как маргинальное явление, находящееся где-то на периферии социума. Особенно в нашей стране, где по ряду причин так и не возникли современные философия и социология спорта и где для большинства интеллектуалов характерно абсолютно несерьезное отношение к спорту. Таким образом, в России имеет место определенный парадокс: в стране, являющейся вообще-то одной из ведущих спортивных держав, в силу ряда социально- и интеллектуально-исторических причин отсутствует институциональная спортивно-теоретическая рефлексия современного типа. Сначала, видимо, мешали идеологические конструкты господствовавшего «всеобъяснявшего учения», а затем выяснилось, что спорт как предмет гуманитарной мысли, мягко говоря,

Спорт – это не «эфемерный феномен, дополнительная деталь в жизни нашего массового общества», а «важный симптом, важное проявление культурного состояния нашего современного общества». Это не просто часть повседневной жизни, но явление, непосредственно связанное с социальной структурой и индустриальным развитием обществ западного типа.

вообще не входит в число приоритетов русских интеллектуалов.

Поэтому при реконструкции важнейших моментов культурной истории современного спорта и анализе его основных социальных функций в обществах Модерна мы будем опираться на труды западных ученых – уже упомянутого Элиаса, а также выдающегося французского социолога Пьера Бурдьё. Последний пытался ответить на вопрос: «Какие социальные условия сделали возможным создание системы институтов и агентов, прямо или косвенно связанных с существованием спортивной деятельности и развлечений?» Однако сначала обратимся к результатам классического исследования немецкого философа и социолога, одного из основателей философской антропологии Гельмута Плеснера под характерным названием «Функция спорта в индустриальном обществе». Именно в нем автору удалось проанализировать с точки зре-

ния социальной теории сам феномен спорта и его колоссальное антропологическое значение для нашего времени. Для него спорт – это не «эфемерный феномен, дополнительная деталь в жизни нашего массового общества», а «важный симптом, важное проявление культурного состояния нашего современного общества». Это не просто часть повседневной жизни, но явление, непосредственно связанное с социальной структурой и индустриальным развитием обществ западного типа. Более того, с точки зрения социологии, спорт вообще впервые возникает только в индустриализованном и урбанизированном обществе, для которого характерны повсеместное применение техники и глубокое разделение труда.

Однако, как известно, в истории других культур и цивилизаций также всегда существовали различные формы игр, состязаний и других телесных практик. Так почему же именно спорт, возникший во время

Постоянный регресс физической составляющей человеческого существования и обострение неадекватности физического самоощущения в силу недостаточной и односторонней нагрузки делает актуальной компенсаторную функцию спорта. Именно в нем житель мегаполиса ищет и часто находит замену утраченной полноте телесного бытия.

индустриальной революции в Англии XIX века, а не забавы других народов и эпох стал специфически современной формой досуга, распространившейся со временем по всем странам мира? В чем отличие спорта от физических упражнений более раннего времени, например, различных игр и соревнований Античности, Средневековья или раннего Нового времени?

Ответ социологии на эти вопросы однозначен: конечно, те или иные состязания и физические упражнения можно встретить во всех культурах, включая самых экзотические. Однако в узком, «техническом» смысле о спорте можно говорить лишь применительно к определенному типу состязательных игр. Данный тип возник под этим названием в Англии и покорил впослед-

ствии остальной мир. Речь идет об уникальном процессе «спортивизации» традиционных игр, заключавшемся в развитии таких структур и форм организации досуга, которые соответствовали радикальным общественным изменениям в процессе индустриализации, включая тенденции в развитии структур и организации труда. В этом смысле Элиас в своей знаменитой работе «Генезис спорта» предлагал рассматривать индустриализацию и преобразование определенных форм досуга в спортивные состязания как «взаимосвязанные тенденции и составные моменты целостного процесса трансформации общества в его современную форму».

Действительно, невозможно отрицать, что корни идеи

спорта и многих его видов уходят в доиндустриальную эпоху (само понятие возникло из старофранцузского *desport* — «игра», «развлечение»). Однако очевидно, что в мире аграрных экономик, в крестьянской среде существовали только игры, но не спорт в современном смысле слова. Как подчеркивает Плесснер, понять значимость спорта для нашего западного мира можно только в рамках феномена усиливающейся урбанизации. Итак, спорт — это исторически относительно новый социокультурный феномен, связанный с антропологическими последствиями капитализма: появление, распространение, дифференциация и популяризация спорта проходили параллельно с развитием первого современного индустриального общества Англии XVIII-XIX веков. Новые формы производства и организации труда оказали значительное влияние на формы организации повседневной жизни, включая досуг. Именно это привело к возникновению названных выше факторов, в ко-

нечном итоге обусловивших появление спорта как одной из характерных для эпохи Модерна телесных практик.

Однако для чего эпохе Модерна понадобился такой культурный институт, как спорт? Почему спорт должен был возникнуть — то есть какие социальные функции он выполняет в современных обществах?

В рамках современной философии и социологии спорта на эти вопросы дается множество различных вариантов ответов, связанных со все тем же урбанистическим и индустриальным развитием стран Запада, — ведь появление спорта позволило эффективно решить ряд проблем, возникавших на уровне антропологии уже в новой — современной — городской среде.

Вслед за философским антропологом Плесснером выделим основные мотивы появления современного спорта в результате индустриализации и сопутствовавших ей процессов.

Первый из них — радикальное изменение отношения к собственному телу в результате сопровождающих урбанизацию процессов индустриализации, специализации, бюрократизации и механизации современного труда. Эти характеристики урбанизации стали восприниматься как нечто само собой разумеющееся и даже считаются необходимыми сопутствующими обстоятельствами функционирования индустриального общества. Однако в результате резкой замены старого традиционного ремесленного и сельского образа жизни на современный человек испытывает глубокий дискомфорт. Это происходит из-за тенденции ко все большей утрате натуралистического, природного элемента в труде и повседневной жизни. Несмотря на то, что современный человек

занят определенным трудом (физическим или умственным), его естественное, физическое существование происходит в неестественных условиях: монотонность, односторонний характер физической нагрузки, перенапряжение при выполнении специализированных задач, исключительно умственный характер труда и т.д. Подобное нарушение естественных отношений человека с собственным телом, происходящее из-за всех неестественных и односторонних нагрузок, только усилилось в результате процесса механизации передвижения — с появлением железных дорог, самолетов и особенно с массовым распространением автомобилей.

Постоянный регресс физической составляющей человеческого существования и обострение неадекватности физического самоощущения в силу описанной выше недостаточной и односторонней нагрузки делает актуальной компенсаторную функцию спорта. Именно в нем житель мегаполиса ищет и часто находит замену утраченной полноте телесного бытия. Как писал еще один классик философской антропологии Макс Шелер, «спорт непосредственно направлен на ресублимацию (то есть на пополнение определенного уровня жизненной энергии, ранее чрезмерно направленной на мысль и труд, с помощью тела и “физической культуры” в искусственно установленной форме), поскольку он является не чистым прекрасным выражением и высшей формой благоприобретенного тела (как в греческом гимнасии), а обратной рефлексией и искусственным восстановлением самооценности телесного бытия, на долгие века оставшегося без должной заботы».

Второй мотив, делающий спорт жизненно необходимым

современному человеку, — это желание сопротивляться анонимности современного города, желание выделить собственную индивидуальность из общей массы. Он опять-таки связан с последствиями индустриализации, в результате которой человек больше не имеет возможности получать удовлетворение от выполненной работы, как это было возможно в рамках традиционной формы организации труда, например, ремесленного и крестьянского. Сегодня люди воспринимают себя скорее как шестеренки механизма, принципы функционирования которого они вряд ли понимают целиком. В подобном безличном учреждении они выполняют узкоспециализированные функции, отвечая за выполнение частной задачи. Однако вся эта деятельность не имеет никакого отношения к их личности. Помимо этого на всех давит ощущение своей заменимости и необходимость обеспечивать результат, который стал единственной мерой оценки — вне зависимости от положения человека в системе разделения труда (рабочий, служащий или интеллигент). Как пишет Плесснер, уже никто не способен сопротивляться этому, поскольку не знает других способов оценки. Зато люди пытаются сопротивляться ощущению невидимости своей собственной личности, поскольку растворенность в массе, полная анонимность угнетают их даже сильнее, чем требование результата. Ведь они всегда ищут признания в качестве отдельных личностей, борясь за престиж, уважение и самореализацию. Эта всеобщая потребность в признании, разбуженная и одновременно заблокированная индустриализованным обществом, находит пространство для своей реализации именно в современном спорте благодаря до-

Мотив, делающий спорт жизненно необходимым современному человеку, – это желание сопротивляться анонимности современного города, желание выделить собственную индивидуальность из общей массы. Он связан с последствиями индустриализации, в результате которой человек больше не имеет возможности получить удовлетворение от выполненной работы, как это было возможно в рамках традиционной формы организации труда, например, ремесленного и крестьянского.

ступной для всех конкуренции в физической силе, ловкости и других телесных навыках. Эта абсолютная самоочевидность спорта находится в радикальном противоречии с такой базовой характеристикой мира современности, как непрозрачность и недоступность для понимания обычного человека действий других людей в рамках сложноорганизованной и узкоспециализированной системы разделения труда. В отличие от крестьянского мира прошлого, сегодня немногие люди вообще способны понять и оценить то, что делает другой в рамках своей профессиональной дея-

тельности. По словам Плеснера, мы имеем здесь дело с поразительным и крайне амбивалентным феноменом, связанным с функциональной демократизацией современных обществ: «Я не могу сделать то, что делает другой; я даже не понимаю того, что он делает; в принципе я и не должен понимать этого». Позже мы еще поговорим об этой уникальной для мира Модерна общедоступности спорта, когда затронем его другие базовые характеристики. Пока же вернемся к мотивам, благодаря которым спорт стал столь незаменимым и не мог не появиться в индустриа-

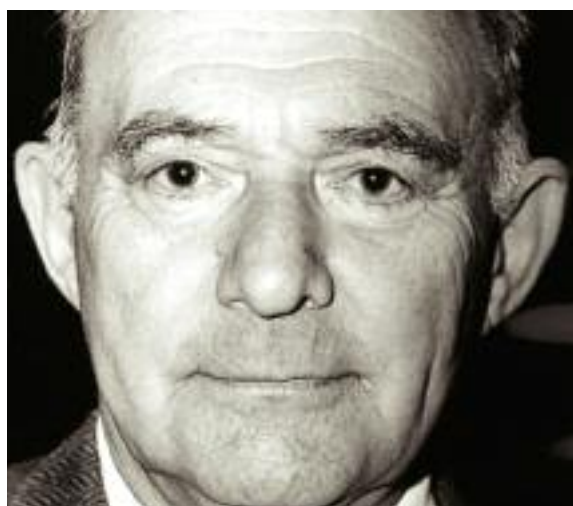
лизованном обществе. Как известно, решающее влияние на стремительное развитие индустриального общества оказала наука. Рост значения науки привел к процессу интеллектуализации, охватившему традиционные формы трансляции знаний и практических навыков. В результате расширения теоретического знания теперь для занятия любым делом требуется все более длительное обучение – как минимум, среднее или даже высшее образование. Подобная интеллектуализация жизни вызывает естественное отторжение из-за избыточного дисциплинирования трудовой сферы научной мыслью. Все это также приводит к отчуждению и стремлению к новой социальной интеграции, в рамках которой было бы возможно достичь признания и самореализации, а также добиться высших результатов и опередить других. Однако подобный уровень интеграции в со-

временном обществе может предложить лишь только спорт, позволяющий, помимо реабилитации физического существования тела, преодолевать отчуждение формализованного труда, анонимность индивида в городской массе и избыточную интеллектуализацию современной жизни.

С учетом выявленных основных мотивов, делающих спорт просто необходимым для современного человека, Плесснер приходит к выводу, что являясь «компенсаторной реакцией на последствия индустриализации и урбанизации», спорт представляет собой пространство, в котором люди, находящиеся под давлением специализированной трудовой сферы, стремятся удовлетворять свои желания, которые в них пробуждает и одновременно мешает реализовать общество современного типа: «Эти потребности в отдыхе и социальном контакте, агрессии и игре, в соперничестве и самоутверждении реализуются в спорте. В нем каждый получает то, к чему стремится: неважно, в каком качестве – игрока или зрителя, неважно, в каком виде спорта – в футболе или легкой атлетике».

Другими словами для жителей современного города, являющихся антропологическим результатом индустриального развития XIX-XX веков, спорт предстает в качестве средства от многих «болезней цивилизации»: односторонних физических нагрузок, недостатка движения, анонимности, интеллектуализации жизни и др. Говоря о причинах такой популярности форм спортивной активности в рамках современной массовой культуры, социологи спорта называют еще ряд характеристик, делающих спорт уникальным пространством в рамках мира современности. Так, многи-

ми исследователями подчеркивается демократичность сегодняшнего спорта: теперь он жестко не связан ни с одним слоем общества, охватывая, по сути, всех их. Понятно, что иногда это является скорее идеальным состязательным принципом, чем реальной практикой «потребления» спорта. Например, Бурдые в своих работах убедительно показал, что спорт выполняет функцию социальной дифференциации и различения: занятия престижными тенни-

Гельмут Плесснер:

«Эти потребности в отдыхе и социальном контакте, агрессии и игре, в соперничестве и самоутверждении реализуются в спорте. В нем каждый получает то, к чему стремится: неважно, в каком качестве – игрока или зрителя, неважно, в каком виде спорта – в футболе или легкой атлетике».

сом или гольфом являются действенным инструментом повышения социального статуса.

Спорт самоочевиден и доступен для понимания каждым: в силу своей телесности и наглядности происходящее во время спортивных состязаний понятно всем, невзирая на языковые, культурные и социально-классовые различия. Чтобы следить за происходящим на площадке, не нужно специальных знаний и компетенций, как это было в традиционных культурах с их сложными ритуалами. Подобно таким видам массового искусства, как кино, спортивное пространство принципиально открыто для проецирования самых различных представлений, желаний и картин мира. Сравнивая спорт с кино, Бурдые указывал на то, что спортивные состязания можно рассматривать как «нейтрализованный язык», на котором допустимо обращаться одновременно ко многим социальным группам с их представлениями и интересами, игнорируя на время спортив-

ного события разделяющие их аспекты.

В этом смысле спорт – это всегда среда для безграничной коммуникации, которая – как и любая коммуникация – достигает цели лишь в том случае, когда в ней устраняются социально и культурно обусловленные различия. Это вовсе не означает устранения принципиальной многозначности спорта в различных социальных и политических контекстах. Напротив – лишь в них он приобретает свое конкретное существование и значение. Ведь очевидно, что одни и те же виды спорта по-разному воспринимаются и практикуются разными субкультурами и социальными классами, мужчинами и женщинами и т.д. Если для одних спорт – это символ равенства людей, то для других – это скорее символ их естественного неравенства. Если одни интерпретируют его с точки зрения кооперации, то для других он репрезентирует противоборство. По словам известного немецкого социолога спорта Томаса Алкемайера, имен-

Спорт – это всегда среда для безграничной коммуникации, которая – как и любая коммуникация – достигает цели лишь в том случае, когда в ней устраняются социально и культурно обусловленные различия.

но эта полисемия делает спорт уникальным средством для производства воображаемого консенсуса, в котором временно преодолеваются все различия и противоречия, включая национальные и языковые границы: спортивные образы напоминают своеобразный контейнер, в котором есть место для самых разнообразных настроений и смыслополаганий. Основное условие этой общедоступности спорта – способность идентифицировать видимое для всех на минимальном поверхностном уровне, который следует отличать от уровня интерпретации с ее коннотациями, ассоциациями и предшествующим опытом.

Следующая – не менее уникальная – характеристика

спорта – это его аффективность. Стоит ли говорить, что она также находится в принципиальном противоречии с основными тенденциями общественного развития в эпоху Модерна – с ее дисциплинированием, направленным как раз на подавление аффектов. Если в большинстве основных институтов буржуазной высокой культуры, включая школу, университет, театр и т.д., происходит намеренная «детематизация» телесности, то в спорте намеренно создается пространство для тела с целью производства интенсивных чувственных и соматических эффектов. Спорт существует именно для того, чтобы производить, усиливать и синхронизировать аффекты многих тысяч людей. Здесь

примечательно то, что на время спортивных мероприятий временно отменяются те конвенции и нормы приличия, которые действуют в повседневной жизни. Например, на стадионе можно и даже нужно громко кричать, что невозможно в преимущественно молчаливой или письменной рутине современных обществ. Аффекты как раз и нужны для того, чтобы производить и снимать напряжение через страстное переживание событий на арене. Как отмечает британский исследователь спорта Эрик Даннинг, внешне напоминая серьезные аффекты в жизни, возбуждение, производимое в рамках специфического институционального пространства стадиона, несколько не угрожает ни существующему социальному порядку, ни личной идентичности самого субъекта.

Другими словами все то, что блокируется в нормальном об-

щении, высвобождается в спорте в общественно допустимой, пространственно и временно ограниченной форме. Как метко выразился уже упомянутый Алкемайер, современный спорт — это регламентированный эксцесс в форме временной интенсификации цивилизационно выхолощенной жизни.

Подобная противоположность аффективности мира спорта остальным сферам жизни современных обществ, давно дисциплинированным в процессе цивилизации, даже позволила некоторым исследователям сделать весьма радикальный вывод. По их мнению, основная социальная функция спорта заключается в производстве «присутствия». Так, например, считает известный американский философ и культуролог Ханс Ульрих Гумбрехт, который в своем сочинении «Похвала красоте спорта» направляет основной эпистемологический пафос на реабилитацию эффектов чувственного, телесного присутствия, игнорирование которых делает наш опыт восприятия культуры в лучшем случае неполным, а в худшем — и вообще несостоятельным.

Непосредственность телесного, чувственного переживания, несомненно, является базовой характеристикой всякого спортивного опыта. Более того, по мнению Бурдые, в современных обществах спорт является особым универсумом, где переворачиваются с ног на голову и традиционные для Модерна иерархические отношения между телесно-практическими и духовно-интеллектуальными компетенциями современного человека. То, что вытесняется из легитимной высокой культуры (телесность, аффективность, непосредственность и т.д.), возвращается в чувственно-концентрированном виде в спорте, который благодаря своей

выразительности и самоочевидности позволяет получить доступ в публичные пространства даже простым людям, которые чувствуют отторжение со стороны официальной элитарной и строго регламентированной высокой культуры. Таким образом, здесь мы вновь сталкиваемся с такой базовой характеристикой современного спорта, как его демонстративный во всех смыслах демократизм, принципиально открытый для всех социальных групп поверх существующих иерархий господства и подчинения.

Завершая общую характеристику спортивных форм телесных практик как социокультурного феномена современности, вновь сошлемся на Плесснера, который подчеркивал, что «спорт не лучше и не хуже породившего его общественного порядка, в котором он выполняет свою компенсаторную функцию».

Политические импликации современного спорта

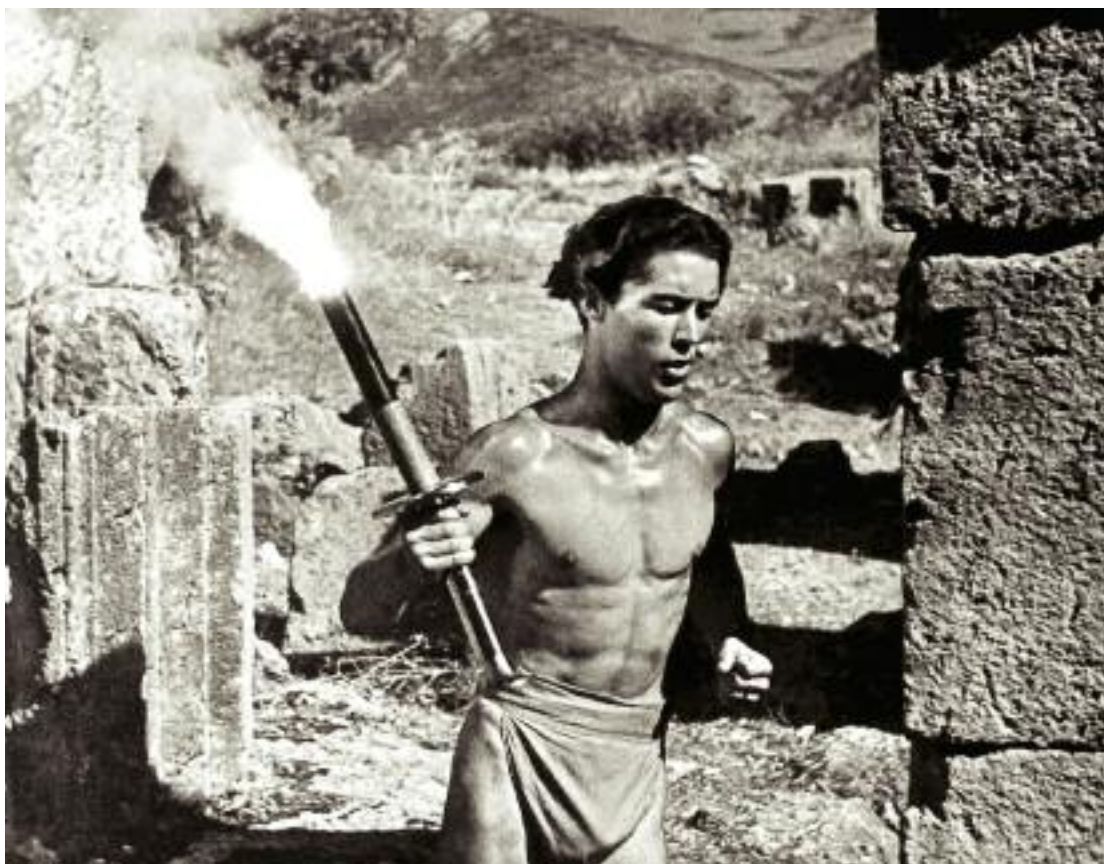
Как уже говорилось, спорт по своей сути политичен. Например, участники спортивных состязаний демонстрируют лояльность своему государству, выступая за свою национальную команду. А сопровождающие любое состязание ритуалы, связанные с государственным гимном и флагом, символизируют политический характер спортивного действия. Однако являясь воплощением национальной гордости и источником объединения, спорт в тоже время представляет собой эффективный механизм, который активно используется политическими элитами для внушения определенных политических идей. Об этом свидетельствует опыт спортивно-политических манипуляций нацистской и советской дик-

татур, а сегодня — авторитарных режимов типа Китая или РФ.

Это очевидно для всех и не нуждается в особом объяснении. Однако, приступая к рассмотрению в этом разделе проблемы соотношения спортивного и политического, сразу скажем, что с точки зрения философии и социологии спорта говорить о политических импликациях современного спорта можно в самых различных значениях. Перечислим лишь основные — наиболее обсуждаемые — темы, возникающие на пересечении этих взглядов:

- ◆ спорт как форма националистической мобилизации и репрезентации;
- ◆ спорт как средство социального контроля над населением;
- ◆ спортивно-видовые и клубные предпочтения как выражение отношений социального господства и подчинения;
- ◆ государственная политика в области спорта;
- ◆ спорт как пространство глобальной конкуренции государств;
- ◆ спорт как субститут войны;
- ◆ спорт как пространство борьбы за гендерное равенство и права инвалидов;
- ◆ спортивная активность политиков как средство политической пропаганды (например, во время выборов);
- ◆ спорт как сфера борьбы крупных концернов и всемирных брендов за рынки;
- ◆ борьба ведущих государств за престижное право проведения спортивных мегасобытий;
- ◆ спортивные войны и т.д.

Этот список можно продолжать почти бесконечно, поскольку проблематика спорта затрагивает почти все сферы жизни современных обществ. Поэтому кратко остановимся лишь на наиболее значимой в данном контексте теме. Так, исследователей в последние

Полисемия делает спорт уникальным средством для производства воображаемого консенсуса, в котором временно преодолеваются все различия и противоречия, включая национальные и языковые границы.

десятилетия особенно сильно интересовал вопрос об отношении спорта и власти. Ведь еще античный писатель Ювенал установил, что посредством хлеба и зрелищ население Римской империи отвлекалось от политики и тем самым лишалось политической самостоятельности. Изучая этот вопрос, Элиас убедительно показал политическую функцию спорта в сфере био-политики: в эпоху раннего Модерна спортивные игры стали фактором контроля и дисциплинирования человеческих тел.

Об этом же писал в своих работах крупный французский социальный теоретик Мишель Фуко, рассматривавший спорт как элемент огромной государственной дисциплинарной машинерии, которая с начала

Нового времени пыталась дрессировать тело человека. Представители Франкфуртской школы — и особенно Теодор Адорно — занимали в этом вопросе схожую позицию: для них спорт — это лишь изящное средство подавления подлинных интересов людей. Причем этот приговор, сформулированный ими во время эмиграции, относился не только к спортивно-политическим манипуляциям национал-социалистов, но и к спорту как части американской индустрии массовой культуры.

Крупный левый теоретик Антонио Грамши занимал в данном вопросе более дифференцированную позицию, нежели Адорно и его коллеги, хотя также мог своими глазами наблюдать фашистскую спортивно-политическую хорео-

графию: он признавал наличие у спорта определенного эмансипаторного потенциала. С одной стороны, спорт есть элемент культурной гегемонии буржуазного, капиталистического класса, который посредством зрелищ отвлекает народ именно в период увеличения свободного времени и интегрирует в свою систему наиболее активных молодых мужчин, с другой стороны, спорт как источник аутентичной радости может высвобождать позитивную творческую энергию.

Бурдьё, исследуя проблему распределения социальной власти в спорте, показал классовую обусловленность выбора видов спорта. Представители рабочего класса придают большую значимость физической силе, а представители средних и высших классов, напротив, смотрят на спорт скорее с точки зрения здоровья и социального престижа. Причем выбор вида спорта зависит не только от мате-

риальных предпосылок, но также от ментальности различных общественных классов применительно к телесным практикам. Классово специфический габитус играет определяющую роль для сохранения существующих отношений господства, которые словно записываются на теле.

Исследования названных и многих других ученых подтверждают тесное переплетение спортивного и политического полей в сегодняшнем обществе. Более того, как считает немецкий историк Вольфганг Берингер, процесс спортивизации современных обществ, начавшийся вместе с Новым временем, все еще до конца не завершен. Постоянно растущее число активных спортсменов, видов спорта, спортивных обществ и федераций, спортивных мероприятий и новых стадионов показывает, что спорт еще долго будет находиться в центре широкого общественного интереса, а следовательно – и политической борьбы. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на очередного демократического политика, пытающегося посредством показательной спортивной активности завоевать симпатии своих избирателей (*running for election*). Или на очередного диктатора, открывающего Олимпийские игры.

Спорт в современной России

Начиная разговор о ситуации в нынешнем российском спорте, напомним постановку вопроса, предложенную Элиасом: как связано актуальное развитие структур и организационных форм спорта с общими тенденциями развития структур социального действия в данный момент цивилизационного процесса? Применительно к нашему предмету эту проблему можно сфор-

мулировать в виде вопроса о новых институциональных формах в спорте, адекватных как господствующей в сегодняшней России общественно-экономической модели, так и структурному развитию спорта у наших основных конкурентов (США, Китай).

Разговоры об институциональном кризисе постсоветского спорта идут давно – ровно столько, сколько существует он сам. Причем они усиливались вместе с предсказаниями полного краха России как великой спортивной державы – как правило, после неудачного выступления на мировом спортивном форуме. Однако, к счастью, катастрофический сценарий в большом российском спорте – несмотря на всю обоснованность алармистских прогнозов многих специалистов – осуществился лишь в Ванкувере в 2010 году (общекомандное 11-е место). В целом же, если судить по медальному командному зачету, наша сборная, давно утратив абсолютное лидерство (последняя командная победа на летней Олимпиаде имела место аж в 1988 году в Сеуле, а на зимней – в 1994 году в Лиллехаммере), тем не менее на последних играх стабильно находится в пятерке лидеров (4-е место в Лондоне в 2012 году). Но даже эти относительно успешные выступления порождают очередную волну разговоров о якобы окончательно истраченном советском заделе, о потерянных тренерских кадрах, о слабой материально-технической базе подготовки сборных, не говоря уже о погибших школах олимпийского резерва.

Между тем уже Олимпиада в Пекине в 2008 году, на которой спортсмены КНР с огромным отрывом обошли как сборную России, так и доминировавших после распада СССР американцев, вновь со всей силой

поставила вопрос о наиболее эффективной модели управления спортом как важнейшей отраслью. Причем теперь озадачились представители спортивной общественности и на Западе: успех китайцев поставил под сомнение саму «либеральную» модель спорта как частного бизнеса конкурирующих агентов рынка (в форме спортсмен–предприниматель). «Невидимая рука» спорт-рынка оказалась неконкурентоспособной по сравнению с китайским госспортом, находящимся под прямым управлением властей по советской модели. Более того, постоянные подозрения чемпионов из КНР в употреблении допинга породили призрак воспроизведения китайскими товарищами «спортивного чуда» ГДР, детско-юношеские школы и элитные спортклубы которой создавали головную боль западным конкурентам, причем не только в спортивной, но и в фармацевтической сфере. Кстати, по мнению историка спорта Кристианы Айзенберг, западно-германская альтернатива «тоталитарному спорту» с институциональной точки зрения не была такой уж альтернативной, как принято считать, и ограничивалась лишь различиями в названиях. Да и сама отрасль по-прежнему находится в ведении МВД ФРГ. Между тем в России сегодня завершается новое-старое определение роли государства в этом процессе. Определившаяся власть в свою очередь определяет роль общества и прежде всего крупного бизнеса, назначенного «болеть» за определенные виды спорта в форме прямой спонсорской поддержки определенных команд или федераций. Немаловажную роль в этом процессе играет личный спортивный габитус второго-четвертого президента РФ, инициировавшего возвращение госу-

дарства в сферу физкультуры и спорта. Так, просто судьбоносным для массового телезрителя стало мнение «просто болельщика» Владимира Путина, который одной репликой спасает то трансляции футбольного чемпионата России по общедоступным каналам, то обанкротившиеся клубы. Или назначает крупных чиновников и бизнесменов руководить спортивными федерациями и даже Национальным олимпийским комитетом.

Несмотря на отсутствие выдающихся результатов собственно спортивного свойства, руководство РФ берет на себя одно за другим амбициозные спортивно-политические обязательства перед международным сообществом (XXVII Всемирная летняя универсиада-2013 в Казани, Сочи-2014, футбольный ЧМ-2018), серьезно рискуя собственной репутацией. Ведь эти обязательства, по сути, являются обещанием нынешнего высшего политического руководства России представить миру совершенную иную страну – так сказать, страну победившей модернизации. Как показывает опыт, соревнования уровня Олимпийских игр – события, способные принципиально изменить инфраструктуру городов, в которых они происходят.

В то же время эти обязательства ставят само российское спортивное сообщество в довольно двусмысленное положение. С одной стороны, сам факт проведения этих мероприятий в РФ – например, той же зимней Олимпиады-2014 на главном российском летнем курорте – означает значительное улучшение возможностей для подготовки сборных команд по ряду видов спорта, а для некоторых из них – вообще первое появление в стране инфраструктурных объектов современного

типа. С другой стороны, несомненно то структурное давление, которое уже сейчас оказывается на спортсменов и будет только возрастать – естественно, с благородной целью недопущения провала в родных стенах. Однако тем самым в спорт привносится неспортивная мотивация, которая зачастую просто мешает работе профессионалов. Неадекватная по уровню пафоса и абсолютно бессодержательная истерия в федеральных медиа с олимпийским огнем Сочи-2014 только подчеркивает всю опасность перегрева ожиданий публики.

Между тем переопределение ролей затрагивает как активных спортсменов, так и пассивных «потребителей» спортивных игр – зрителей или телезрителей. Речь идет о новых моделях взаимоотношений, затрагивающих не только профессиональных спортсменов, но и разнонаправленные интересы могущественных внешних игроков вроде государства, общественных организаций, а также крупных концернов, выступающих в качестве спонсоров, – естественно, в надежде на трансфер позитивного имиджа спорта и спортсменов на собственные бренды и продукты в маркетинговых целях. Ведь, как писал почти 30 лет назад Бурдьё, «имеются все основания рассматривать виды спортивной практики как относительно автономное пространство, но не следует забывать, что оно является местом сил, приложимых не только к нему одному».

Российские власти очень своеобразно отдают должное бешено растущему рынку спортивной индустрии с ее широким ассортиментом телесных образов, медийных мифологий и т.п. Причем явно с прицелом на социально-интегрирующие аспекты массовых телесных практик, являющихся

в условиях современности одним из важнейших способов формирования личности. Ведь, как уже говорилось, такие социально релевантные телесные практики, как спорт, служат довольно точным индикатором структурных изменений общества, когда телесные образы и образцы адаптируются под господствующие представления социума о человеке. Последнее напрямую связано с массовыми представлениями в сфере медийной антропологии, где важную роль занимает фигура социально успешного человека в семантическом ряду спортсмен–телезвезда–миллионер. Вторжение рыночных принципов взорвало представление о максимальном доходе спортсмена, и теперь профессионалы – по крайней мере, звезды – являются одновременно и предпринимателями. Вместе с другими агентами рынка (клубами, спонсорами) они продают продукт «аутентичное переживание», являясь, по сути, актерами шоу-бизнеса. Однако не меньше изменилась и сама публика, превратившаяся в *sport interested consumers*. Непонимание подобных структурных изменений современного спорта, ставшего важной отраслью экономики, может приводить к когнитивному диссонансу, например, в случае рецидивов применения со стороны тренеров и руководителей федераций советского стиля взаимоотношений со спортсменами-звездами.

Между тем примечательна спортивно-политическая семантика, уже сложившаяся вокруг предстоящих фестивалей спорта в языке массовой культуры. Так, о самих фактах выбора России как места их проведения ничтоже сумняшеся говорят как о победах, хотя в спортивном смысле, например, проведение ЧМ-2018 в России означает лишь автома-

тическое попадание сборной России в финальную стадию турнира. Некоторые горячие головы даже готовы занести поразительные успехи целого ряда наших заявок в аппаратно-коррупционном пространстве международных спортивных организаций в разряд важнейших достижений России последних лет. Стоит ли говорить, что демоскопические службы также фиксируют массовую поддержку населением России идеи проведения крупнейших спортивных мероприятий в наших городах. И это несмотря на широкое распространение в массовом сознании топоса «пир во время чумы», то есть несмотря на всеобщее признание катастрофического характера состояния нашей страны в важнейших сферах жизни.

Не менее показательна реакция многочисленных критиков политики заманивания международных спортивных событий в РФ. Вот как данный феномен описал один из профессиональных критиков действующей власти после известия о выборе России в качестве хозяйки ЧМ-2018: «Так или иначе я очень рад, что мы выиграли. Я пишу в эту секунду в либеральное издание и понимаю, что его аудитория, конечно, огорчена победой России. И я думаю, что это, друзья мои, большевизм. Ради мировой революции мы будем желать поражения своей стране в войне? Любое достижение кровавого режима — это повод для тоски?»

Очевидно, что подобное «отторжение» реализуемой властями стратегии мотивировано чисто политически. Но не менее очевидно, что восторги в связи с Сочи-2014 и ЧМ-2018 у значительной части правящего класса, представляющего у нас в персональной унии как с классом коррупционеров, так и с классом главных борцов с ней, в свою

Не менее уникальная характеристика спорта — это его аффективность. Стоит ли говорить, что она также находится в принципиальном противоречии с основными тенденциями общественного развития в эпоху Модерна — с ее дисциплинированием, направленным как раз на подавление аффектов.

очередь мотивированы экономически. На бесконечный фестиваль казнокрадов указывают уже сами институциональные формы, в которые власть облакает подготовку и проведение подобных «празд-

ников молодости и спорта», выставляя их в качестве возвращения к «советскому решению» проблемы подготовки, организации и управления спортом. Стоит ли говорить, что ряд решений властей, иду-

Спорт по своей сути политичен. Например, участники спортивных состязаний демонстрируют лояльность своему государству, выступая за свою национальную команду. А сопровождающие любое состязание ритуалы, связанные с государственным гимном и флагом, символизируют политический характер спортивного действия.

щих прямо вразрез с текущей мировой практикой (за исключением Китая), красноречивее всего говорит о подлинных интересах правящей группировки. Перечислим лишь некоторые из них.

Первое. Создание специализированной государственной корпорации для проектирования, строительства, реконструкции и эксплуатации олимпийских объектов в Сочи. Речь идет о скандально известном «Олимпстрое», которым за 6 лет успели поручить уже несколько «выдающихся» топ-менеджеров — Семен Вайншток, Виктор Колодяжный, Таймураз Боллоев и Сергей Гапликов. Стоит ли говорить, что до подобно-

го организационно-коррупционного ноу-хау не додумались ни в одной стране, проводившей игры.

Второе. Учреждение поста вице-преьера «по подготовке к Олимпиаде в Сочи» под Дмитрия Козака (что, кстати, является прямым нарушением принципов административной реформы, группу разработчиков которой возглавлял не кто иной, как нынешний «олимпийский» вице-премьер Козак). Стоит ли говорить, что это является прямой калькой с советского опыта: назначенный председателем оргкомитета Олимпиады-80 Игнатий Новиков являлся заместителем председателя Совета министров СССР и

председателем Госстроя СССР. **Третье.** Назначение президентом Олимпийского комитета России еще одного крупного чиновника — Александра Жукова — прямо противоречит предшествующему распоряжению Дмитрия Медведева о том, чтобы руководители спортивных федераций были профессионалами и вели постоянную работу, а не «просиживали штаны»: «Еще раз хотел бы сказать, обращаясь к действующим и будущим президентам наших спортивных федераций, — это должности, где нужно работать, а не штаны просиживать и не по заграницам кататься, а вкалывать 24 часа в сутки», — заявлял он в марте 2010 года в бытность президентом.

Четвертое. Возрождение специального «министерства спорта» по образцу Госкомспорта СССР.

Такой вот русский парадокс: институционально-коррупционная архаика на службе

модернизации спортивной, транспортной и иной инфраструктуры. Для полноты картины нам остается дождаться учреждения поста вице-преьера РФ по ЧМ-2018...

Таким образом, в России полным ходом идет процесс реставрации той модели взаимоотношений государства со спортом, при которой, по словам историка спорта Алексея Кыласова, «государство берет на себя управление спортивной отраслью, принимая на себя всю ответственность и возникающие обязательства перед обществом за ее развитие». Исследователь выделяет такие негативные черты прямого государственного управления спортом, как ответственность спортивного ведомства за провалы на международных турнирах перед властями, как поддержка спорта высших достижений в ущерб развитию детского и массового спорта, поскольку «это легко объяснимо с точки зрения отчетности министерства».

Подобное встраивание спорта в общую коррумпированную систему управления современной Россией не должно удивлять. Ведь, как писал известный американский спортивный комментатор Говард Коселл, «спорт представляет собой не что-то отдельное от жизни, особую “страну чудес”, отличающуюся чистотой и святостью», а бизнес, который подчиняется тем же правилам, что и любой другой. Просто в российском случае этот бизнес является аппаратным, чиновничьим, коррупционным.

■

Подводя неутешительные итоги спортивно-политического развития России в последнее время, в очередной раз убеждаешься в правоте Бурдые: «Пространство спорта не есть мир, замкнутый в себе. Оно включено в мир практик и по-

требления, в свою очередь структурированный и конституированный в систему». Уже поэтому очень велика опасность того, что очередные государственники от спорта опять решат, что помимо свободной игры и сознательного преодоления трудностей спорт должен выполнять еще ряд чисто утилитарных функций — воспитывать патриотов, оздоровлять трудовые ресурсы или готовить воинов к будущим битвам. Как писал американский социолог Кристофер Лэш, «игры быстро утрачивают свое очарование, когда они ставятся на службу образованию, воспитанию характе-

Норберт Элиас (на фото) убедительно показал политическую функцию спорта в сфере биополитики: в эпоху раннего Модерна спортивные игры стали фактором контроля и дисциплинирования человеческих тел.

ра или развитию общества». Ведь именно благодаря своей «бессмысленности» они стали одной из важнейших культурных практик современности, не имеющей аналогов в других культурно-исторических эпохах. В немецкой культуре этот уникальный статус спорта получил соответствующее языковое выражение: например, футбол в Германии часто именуют не иначе, как *die schönste Nebensache der Welt*, что можно перевести на русский примерно как «прекраснейшая безделица в мире».

В этом смысле трудно представить себе более неадекватные ожидания, например, от предстоящего проведения в России мирового первенства, нежели подобные благоглупости: «Одним из главных смыслов Чемпионата мира по футболу-2018 для самой России должно стать налаживание нормальных отношений между русской и кавказской молодежью». Дело в том, что спорт давно превратился, говоря словами упоминавшейся исследовательницы истории

спорта Айзенберг, в своего рода «культурное достояние»: «Ему больше не нужна поддержка неспортивных смысловых связей, потому что для своих приверженцев он сам по себе представляет смысловую связь».

Будем надеяться, что этого никому не удастся изменить, несмотря на все попытки нагрузить спорт патриотическими и духоподъемными функциями. Ведь в противном случае самой главной жертвой подобной этатизации может стать самый важный момент — чисто спортивный: «спортивная вертикаль» лишает институционального пристанища сам спорт в смысле честной игры и свободной конкуренции. Ведь несмотря на все оговорки и ограничения, даже в российском спорте пока еще заранее неизвестны результаты (в отличие от тех же выборов), а само спортивное действие регулируется общими для всех правилами, а не режиссируется сверху, как во многих других сферах общественной жизни. (P)